Л.А. Гурченко

НЕКОТОРЫЕ ДОГАДКИ ПО ПОВОДУ «ТЕМНЫХ МЕСТ» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(ГОТСКИЕ ДЕВЫ, ДНЕПР СЛОВУТИЧ, ЛАДА И ДР.)

В 1926 г. В.Ф. Ржига в своей работе «Гармония речи "Слова о полку Игореве"» сделал существенное замечание по поводу испорченности текста Слова: «Что касается самого текста Слова, то, по мнению новейших исследователей, которое я целиком разделяю, он не так уже сильно испорчен, как это казалось сначала»[1]. Эти правильные слова высказаны не в качестве убеждения, они имеют под собой объективную реальность.

Нужно признать между тем, что в словосочетании «беша дебрь кисаню» слово «кисаню» так и осталось непонятым в связи с искаженной формой слова и потерей его качества – реального смысла. Поэтому выявить разумное или идею (*Гегель*) в слове или определенном словосочетании памятника и составить правильное понятие о представлении автора и его современников, – тот принцип, вокруг которого должно вращаться намерение исследователя.

До сих пор не сложилось представление о том, какому народу принадлежали «готские девы», что такое «время Бусово» и что это за «месть Шароканю»; неведомым оказалось и содержание, которое современники автора вкладывали в слово «лада»; даже «босуви врани» оказались непроницаемыми.

В том, что представляют собой на самом деле «готские девы», я сторонник В.В. Мавродина и Д.С. Лихачева, которые признавали, «что готы, о которых идет речь, не крымские, а тмутараканские», и Б.А. Рыбакова, который также признавал, что «пребывание готов, начиная с III в. у Азовского моря, хорошо документировано источниками», – несмотря на тщательное и как бы достоверное исследование А.Н. Карсанова о крымских «готских девах»[2]. Это исследование не получило оправдания посредством содержания самого Слова о полку Игореве.

В сю нощь с вечера босуви врани възграяху, у Плесньска, на болони, беша дебрь кисаню, и не сошлю к Синему морю.

У первых издателей «всю нощь». Однако см. в подлиннике здесь же слова Святослава: «...си ночь с вечера одевахъте мя...». Поэтому читать не «всю нощь» (во всю ночь), а «в сю нощь» – в эту ночь.

Переводчики и комментаторы остановились на стилистически нейтральном содержании слов *босуви врани* – серые вороны. Но *бусый*, по материалам В. И. Даля, включает темно-голубо-серый, а *бусеть* – темнеть, чернеть[3]. В Словаре М. Фасмера аналогичные значения: *бусый* – темно-серый, пепельный; *бусеть* – становиться серым, голубым, темнеть[4]. Нейтральное *серый* автором трижды применено к волку. Однако у автора нередко определения имеют стилистически особую окраску в зависимости от обстоятельств. «Нощь стонущи ему грозою»; «седло кощиево»; «веселие пониче»; мирные жители города Римова не просто падают, а в смятении «кричат под саблями половецкими»; русские воины «рыкают акы туры, ранены саблями калеными»; Изяслав Василькович «изрони жемчужну душу из храбра тела»; ветер «веселие (Ярославны) по ковылию развея». Поэтому в тяжелом сне Святослава каркающие вороны в потемках после захода солнца, вечером, не просто серые, а «босуви врани» – темные, мрачные.

У Плеснъска, на болони. – «*Pleteno «широкий», – Плетенской / Плетеницкий лиман, или великий луг, заливаемое пространство между Днепром и Конкой (карты Риччи Занони и Исленьева, сюда *У Плесньса, на болони* (Слово о полку Игореве)[5]. *Кисань* – явно искаженное слово (обзор вариантов см.: Словарь-справочник. 1967. С. 183, 184). Объяснения, являющиеся логическим анализом: И. М. Снегирев: река Сань – «къ Саню»; В. В. Макушев, В. Н. Перетц: сань – «змей», поэтому «дебрьски сани». Д. С. Лихачев развил это чтение «сани» как средство перевозки покойников[6]. Но тогда тело Святослава «несоша» в санях для захоронения к Синему морю – не реально.

Предлагаем чтение: *кисань* – искаженное *кинъсъ, киньс, кинисъ, кинсонъ, киньснь* «подать, дань» – от греч. census «подать»[7]; «отъ киихъ приемлютъ дани, или кинсъ» (Мф 17: 25; Апракос, 1983. Стб. 50б).

Важный исходный пункт для обоснования чтения *кисаню* как *кин(ъ)сню* от др.-рус. *киньснь* «налог, подать, дань» – это определенный вид грамматической ошибки, «когда переписчиком допущена гаплография (единократное написание): буква, слово, словосочетание, которые в тексте встречаются дваж-

ды, следуя друг за другом, написаны только единожды»[8]. *Кисаню* вместо *киньсню* с перестановкой звука: гласный после *н* перенесен после *с*, а два *н* в слове, следуя друг за другом, написаны только единожды.

Дебрь кисаню (киньсню) – дебрь (дьбрь) «обрыв, ров, горный склон, поросший густым лесом»[9]. Также могила-ров: «...и уподоблюся низходящым в ров» – «...чтобы я не уподобился нисходящим в могилу» (Пс 142: 7. Церк.-слав. и русск. текст).

Кисаню (киньсню) сущ., м. р., ед. ч., д. п. по типу склонения существительных мужского и среднего рода с окончанием в им. п., ед. ч. [ь] или [е] – после мягких согласных. – «Ров дани, налогу».

Без ссылки на эти русские формы греческого слова, обозначающего «подать, дань», до сих пор мы очень слабо представляли себе, какое содержание заключено в «дебрь кисаню». При этом мы должны подразумевать видение сна Святослава целиком, с этим заключительным видением дебри-рва-могилы. И должны знать, что видение сна включает все, что связано со смертью человека и похоронами умершего.

Святослав видит себя умершим, он лежит на тисовой кровати, покрытый черным покрывалом. В это время некие «поганые толковины» справляют похоронный обряд, неизвестный христианским источникам: черпают темно-красное (*синее*) вино покойнику (ср. скифскую похоронную обрядность: «устраивают... угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным». – Herod. IV, 73), сыплют из колчанов ему на лоно крупный жемчуг и говорят о нем хорошие слова («и негують мя»). В эту ночь громко грают темные, мрачные вороны вблизи его терема.

Только при наличии такого фона можно рассматривать значение словосочетания «дебрь кисаню» как могилу, в которую должны захоронить тело Святослава. Первоначально могло быть «дебрь киньсню» – дебрь (ров) подати, дани смерти, которая берет тело умершего: «Смерть не все возьмет, только свое возьмет» (т. е. плоть)[10]. Однако это не исчерпывает условий истинности выражения «дебрь киньсню». По учению Св. Отцов первых веков христианства, душа умершего человека подвергается в воздушном поднебесном пространстве нападению, мытарствам духов злобы, которые разными способами пытаются доказать, что человек был грешен, поэтому принадлежит им как их дань. Об этих духах злобы сказано, что они «гонители, мытари, сборщики податей», а также «данщики»[11].

Исследователями отмечено, что оригинал «Слова о полку Игореве» испытал заметное воздействие югославянской графики в период так называемого второго югославянского влияния на русскую письменность (XV – нач. XVI в.). Иначе говоря, полагают, что непонятное русскому читателю «кисаню» является нормальным сербским словом «кисанье» – «возбуждение плача» – с окончанием «ю» после мягкого «н'», – «дебрь кисаню», т. е. «дебрь плачу(а)».

Этот вывод П. Вяземского был, к сожалению, поддержан в наше время В. И. Стеллецким, одним из лучших современных переводчиков и комментаторов Слова[12]. И вместо разумного или идеи появилась какая-то абстракция – мрак неведомого Ущелья Кисанского у Плеснеска на пойме, откуда прилетели вещие вороны ко дворцу Святослава и всю ночь каркали там.

Это представление никак не согласуется с событием похорон Святослава в его сновидении: из него никак не усматривается, будто у Плеснеска на пойме располагалась «дебрь плача» – «мрачное Ущелье Кисанское». Кроме того, это нарушает синтаксическую конструкцию описания сна: в нем все действия, связанные с похоронами, даны в прошедшем времени и закончились вместе со сном Святослава. Однако «дебрь плача», как топографический объект, не могла «закончиться» с его сном.

В связи с этим появляется способ объяснить, что значит вторая часть предложения: *и не сошлю к Синему морю.* – Святославу во сне виделась его смерть и приготовление к похоронам в тот момент, когда он думал об организации воинского похода к Синему (Азовскому) морю на помощь Игорю. Но, видя свою смерть, он, естественно, подумал во сне, что не сможет теперь послать к Синему морю. Тут же, после того как он рассказал свой сон боярам, он действительно попытался организовать этот поход к Синему морю.

С учетом сказанного, вполне правдоподобным должен быть перевод второй части последнего предложения из сна Святослава в таком виде: «У Плеснеска на оболоне был ров дани смерти, могила, и не послать к Синему морю».

Се бо Готския красныя девы въспеша на брезе Синему морю. Звоня рускым златом, поют время Бусово, лелеють месть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселия.

Готския красныя девы. – Можно считать, что это девы крымских половцев. Свое название готы-половцы могли получить от Крымской Готии. Со времени раннего средневековья в

Крыму была известна архиепископия, а с конца XIII в. митрополия Готская, подчиненная Константинопольскому Патриарху. Крымская Готия известна до середины XV в. Половцы подчинили Готию и получали с нее дань. Причем половецкие кочевья были в непосредственной близости от мест расселения готов в Крыму, которые в конце II в. с берегов Балтики переселились в Северное Причерноморье. И впоследствии, при уходе на Балканы, часть готов, видимо, осела в Крыму[13]. На Руси существовало мнение, что половцы – это готы. Должно быть, в связи с преданием о расселении готов в Северном Причерноморье. Так, например, Герберштейн сообщает: «Русские утверждают, будто половцы – это готы, но я не разделяю этого мнения»[14]. Сказать, однако, в стиле древнегреческого «Здесь Родос, здесь и прыгай» нельзя – крымские половцы не участвовали в походе против войск Игоря, «поскольку они никогда непосредственно с русскими княжествами не сталкивались»[15]. Против Игоря выступили полки приднепровских, донских и поморских половцев. Последние консолидировались с донскими половцами. Их кочевья находились на берегу Азовского моря и Таганрогского залива. Донских и поморских половцев возглавлял хан Кончак из рода Шарукана[16].

И тем не менее «готские девы» – это девы не поморских половцев, как я подумал в моей книге «Русские древности "Слова о полку Игореве"», изданной в 2004 г., и не крымских готов, несмотря на особый интерес, проявленный А. Н. Карсановым к теме крымских «готских дев» в «Слове о полку Игореве» – этому отождествлению мешает направление похода Игоря к Азовскому морю «поискать града Тмутороканя». Эти «готские девы» – девы русских «готов», обитавших в первые века на Таманском полуострове, где, по сведениям исследователей, в 30-х годах IX в. возник город Россия или Руссия в 54 км. от города Тмутороканя (это летописная форма, современная – Тмутаракань. – *Л. Г.*), на месте Голубицкого городища на юго-восточном берегу Азовского моря, и просуществовал до XIV в.[17]

Теперь мало что известно о готах на Таманском полуострове, и все-таки сказать о них кое-что можно, хотя бы то, что в древности Таманский полуостров представлял собой архипелаг островов. В. Д. Блаватский предполагал существование трех островов на месте Тамани: Фанагорийского, Синдского и Голубицкого. А. В. Куликов пришел к выводу, что на Азовском побережье остров или полуостров образовывал Голубицкий

останец коренного берега, северная граница которого проходила в 3,5 км от современного берега (Горлов. 1998. С. 60, 61, 63). В ряде арабских известий Таманский полуостров носит имя «остров руссов», а в русских летописях – «Тмутороканский остров». Византийский хронист X в. Лев Диакон называет Боспор Киммерийский родиной руссов.

Попытка увязать имя «русы» с ругами, которые могли появиться в Приазовье вместе с готами, натолкнулась на неодолимое сопротивление лингвистов и, главным образом, на исследования великого современного лингвиста О. Н. Трубачева, который пришел к выводу, что «переносы (имени *русь*) с севера на юг нам неизвестны, да они и противоречили бы магистральному направлению исторического развития. С Юга на Север была перенесена и расширительно употреблена Русь северопонтийская, таврическая, придонская, приазовская – на Русь славянскую, в том числе днепровскую, и так – вплоть до "Руси" варяжской». «Двинувшись, подобно готам, на юг, руги с V века – на Дунае, то есть в центре Европы, что делало их хорошо известными в тогдашнем европейском мире»[18].

Но мы все-таки не хотим пройти мимо ругов, чтобы обратить на них внимание как на особый случай названия северо-западных руссов от ругов, пусть и не без влияния Юга. При этом опереться на то, как это было, точнее, на то, как это сохранилось в Летописи.

Что говорит Лаврентьевская летопись? *Афетово бо и то колено варязи: свеи, урмане, готе, русь, агняне; галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие, ти же приседять от запада к полуденью и съседяться с племянем Хамовым*[19].

В отличие от издания Повести временных лет в Памятниках литературы Древней Руси и у Шахматова в Повести временных лет, это предложение построено мной по другой системе соединения слов в предложении: двоеточие поставлено не после слова *колено* или *колено и то: Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне..*, а после *варязи: Афетово бо и то колено варязи: свеи, урмане, готе, русь, агняне...* Из перечня народов исключены варяги – это не этнос, а собирательное имя для народов Северо-Западной Европы. Такое отступление от признанного построения предложения проясняет его содержание, и становится понятным, что к варягам отнесены только свеи, урмане, готе, русь, агняне, тогда как волъхва, римляне, немцы, корлязи, веньдици, фрягове и прочие к варягам не относятся. Так и в Летописи сказано: *По тому же (Балтийско-*

му) морю седять (варязи) к западу до земле Агнянски и до Волошьски. И после этого только идет указанный перечень народов, относимых к варягам, и тех народов, которые к ним не относятся, уходя на юго-запад, к племени Хамову. Заканчиваются варяги на «агнянах». По-видимому, это англы Ютландского полуострова. Народ *русь*, таким образом, находится между готами и англами. Сделаем замечание относительно других соседей, показанных в Летописи; они соседят с *русью* и только – это датчане (урманы-норманны) и шведы (свеи). Но в подлиннике Лаврентьевской летописи, имеющей многочисленные пропуски и ошибки, готы пропущены. Они восстанавливаются по другим летописям. К сожалению, это дало повод для недоумения проницательному Шлецеру, и он воскликнул: русь (руссы) «между датчанами и англичанами! Этого быть не может: они здесь вставлены...» Другой случай Шлецера – это заподозренное им «разнословие» в словах «И идоша за море к варягом, к Руси»[20]. Но если заменить «к Руси» на «из Руси», то картина, конечно же, меняется. Появляется намек на среднеднепровскую Русь или еще на более южную Русь, откуда будто бы выселилась эта подозрительная Русь. Бесспорно, что это не противоречит «направлению исторического развития», но не меняет дела в корне: Русь – все равно варяги, размещенные Летописью между готами и англами в соседстве с датчанами и шведами.

Если бы мы поддерживали точку зрения *суетного лучшезнайства* «славян» против «русских», считая «призвание Руси» позднейшей вставкой, и, по остроумному замечанию С. М. Соловьева, пытались вырвать первые страницы нашей Летописи вместе с «призванием Руси», то подлежала бы уничтожению и заключительная часть статьи под 6390 (882) годом: «И седе Ольг, къняжа в Кыеве. И беша у него Варязи и Словене и прочии прозъвашася Русию». А. А. Шахматов сделал примечание к словам «прозъвашася Русию», которое выявляет существенную идею «призвания»: словене, кривичи и прочие прозвались Русью после «призвания». Это примечание меняет форму приведенного летописного предложения и возвращает ему первоначальное и действительное содержание. «вместо "прозъвашася", в Первой Новгородской летописи "и прозвашася", что может быть, первоначальнее»[21]. То есть: «И седе Ольг, къняжа в Кыеве. И беша у него варязи и словене и прочи, и прозвашася русию» (с учетом Лавр. лет. в Памятниках литературы Древней Руси. М., 1978. С. 38. Там вместо «и прочии» написано «и прочи»). А что это значит? Только то, что не следует повиноваться

требованию «славян» вырвать первые страницы Начальной летописи, потому что *и* перед «прозвашася русью» – *это местоимение анафористическое; употребляется без **же** и с **же**. Известный из предыдущего или последующего; тот, этот*[22]. То есть: «И сидел Олег, княжа в Киеве. И были у него варяги и словене и прочие, те, что прозвались русью». Выходит, что по этой причине содержание предложений не позволяет заподозрить в них несуществующий, и без местоимения *и*, смысл, будто бы варяги, словене, кривичи и прочие назвались русью в Киеве, куда они пришли с Олегом. Нет, четко сказано: «те, что прозвались русью» – в смысле: до того еще, в Ладоге или Новгороде.

Ну, и кого теперь признавать под русью в ряду шведов, датчан, готов, англов, если не ругов? И это несмотря на установившийся обычай у исследователей проблемы варягов-руси ставить сторонников этой теории на место указанием на то, что они не оригинальны, потому что «эта догадка имеет почтенный возраст и порядочную историографию».

В конце I в. Тацит знал ругов на Левобережье Одера, готонов (готов) на Правобережье Вислы, венедов на среднем и верхнем течении Вислы. Во II в. готы двинулись из Прибалтики на юг. В составе готского союза двинулись и руги на юг. Но нигде не сказано, что руги вместе с готами пришли в Северное Причерноморье и в Приазовье, в том числе на Таманский полуостров. Однако только через три столетия, к V в., они осели на Среднем Дунае, где в 80-е гг. V в. были побеждены римским полководцем Одоакром, которого тоже считают ругом, и расселены в Италии, где растворились среди местного населения. К VI в. места, где жили руги, и остров Рюген заняли славяне, и на них перешло имя ругов.

И тем не менее мы не стремимся отождествить летописных варягов-русь со славянами с острова Рюген, пришедших вместе с Рюриком по призыву новгородцев. Хотя новгородцы позже обоснованно все-таки стали считать, что «от тех Варяг прозъвашася Русь, и от тех словеть Русьская земля; и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне от рода Варяжьска»[23].

Признавать Рюрика и его братьев этническими славянами из Южной Прибалтики совершенно не обязательно, как не обязательно признавать, что призвали 62-летнего Рорика Ютландского, на котором остановились наши современные историки. Это мог быть 32-летний его племянник с родовым именем Рорик и его двоюродные братья Сивар и Трувар, племянники Рорика Ютландского. Все они были датчане, но в их родословии

были сильные славянские ветви[24]. Но для нас не менее важно другое. Разве не нашел А. В. Назаренко в своих фундаментальных исследованиях латиноязычных средневековых немецких источников, что термин Rugi применялся в западных источниках по отношению к Среднеднепровской Руси, начиная со времени княжения Олега и до XII в., как взятый в эти источники из жизни, а не как чисто литературный термин? В особенности он обращает наше внимание на «памятник уникальный во многих отношениях» – «Раффельштеттенский таможенный устав» 904/6 г., происходящий с территории восточнобаварского Подунавья, где «этноним Rugi был в ту эпоху термином живого языка». В «Уставе» есть упоминание о русских и чешских купцах: «Славяне же, приходящие (в Восточную Баварию, область маркграфа Арбо. – *А. Н.*) для торговли от ругов или богемов...» (далее идет регламентация их торговли. – *Л. Г.*). Словоупотребление «Устава» «указывает на то, что имелись в виду конкретные люди, которые еще носили это название» – Rugi (Э. Цёльнер, отказавшийся от предположения, что этот термин мог быть «антикизацией» реального этнонима «русь». – *А. Н.*)[25] .

Теперь снова о готах. Известно, что в середине III в. часть восточных готов осела на Таманском полуострове. И по сведениям источников, это была ветвь готского племени тетракситов (Буданова. 1990. С. 190). Через три столетия, в VI в., византийский историк Прокопий Кесарийский еще знал об этих готах и в своем сочинении «Война с готами» оставил такие сведения: «Рядом с теми местами, откуда начинается устье "Болота" (Азовское море и Керченский пролив. – *Л. Г.*), живут так называемые готы-тетракситы, они немного и тем не менее не хуже многих других соблюдают христианский закон». Более поздние источники о готах-тетракситах не упоминают вовсе[26]. Зато становятся известны русы как обитатели в районе Керчи (Корчев) и Тамани. Опустошительные набеги этих русов в конце VIII в. – нач. IX в. на соседние берега Крыма и Малой Азии хорошо известны по источникам – на город Сурож (Судак) в Крыму, на Амастриду, город в Малой Азии. Главным городом таманских русов был город Россия или Руссия, который упоминается в латинских, византийских и арабских источниках на территории Таманского полуострова, на его Азовском побережье. «Площадь детинца города Россия – по сообщению директора ТМК Афанасьевой А. И. на основании археологических работ Ю. М. Десятчикова и О. В. Богословского – равна 7 га, что намного превышает площадь детинца древнего Чер-

нигова (4 га) и Новгорода Северского (2,5 га). Это свидетельствует о больших размерах города и его значении в древности»[27]. В X–XI вв. население города Руссия / Россия входило в состав Тмутороканского княжества, принадлежавшего сначала киевским, а затем черниговским князьям. Жена Олега Святославича Тмутороканского византийская принцесса Феофания Музалонис, соправительница Олега, на свинцовой печати с ее именем названа «архонтиссой Руссия».

На Таманском полуострове кроме имени руссов долго, по-видимому, сохранялось имя готов за какой-то немногочисленной частью местного населения, как это случилось с крымскими готами. Возможно, в средневековье таманских готов постигла та же участь, что и крымских, которые, по изысканиям А. Н. Карсанова, «смешались с местным населением, и со временем их антропологический тип растворился в местном субстрате»[28].

Но это все теории, которые далеко не всегда имеют успех. А как было в жизни? Бывают же редкие случаи, когда по косвенным данным можно представить, как это было на самом деле. Вот и по поводу готов есть современный «случай из практики»: литовцы до сих пор называют белорусов gudai (гудаи) «готы», хотя о настоящих готах в тех краях более тысячи лет никто и ничего не слышал, и тем более белорусы к готам прямого отношения не имеют. Но главный смысл несут не слова сами по себе, как говорят знающие, а интонация, с которой они произносятся. Литовцы произносят слово «готы» по отношению к белорусам в тоне темной неприязни, а это уже народная память, которую оставили по себе настоящие готы. Но посторонний человек, знающий об этой практике не то слухом, не то духом, скажет, что готы и белорусы – один и тот же народ.

Другой случай из истории словен: «латины» в свое время называли далматских, кроатских и черногорских славян – готами. Так, Фома Архидиакон (1200–1268 гг.), автор Истории города Салоны, рассказывая о старине жителей Далмации, говорит, что они «были злы и жестоки, однако были христиане, но в большом невежестве и в арианской ереси. Их большей частью называют готами, хотя они по свойству имени словенцы»[29]. – Отметим для себя: далматы злы и жестоки, невежественные ариане, и большей частью их называют готами, но на самом деле это словенцы.

А вот сообщение из XV в.: Л. Туберони, писавший в Рагузе и слышавший то же, что и Фома Архидиакон в XIII в., говорит, что «из этого заключить должно, что словенцы и готы один на-

род. И в наше еще время рагузские матроны, в сердцах, служанок словенского племени называют готами»[30]. – Слышите, в сердцах, называют словенок готами. По-моему, достаточно показательные примеры – что тот, что другой – для наших русских «готских дев». А если эти так называемые готы хорошо умели делать свои «русские» ювелирные украшения, вот вам и «русское золото», которым звенят во время ритуального танца, сопровождаемого пением, «готские девы», притом это помимо военной добычи через посредников половцев.

В первые века в местах близ устья Дуная жили некие русы. Об этих русах Епифаний Кипрский (IV в.) показал такими словами: «Уакинф (красный камень) обретается в восточной варварии сюриисцеи (русийской), Скуфия же ее нарицают древнии, страну ту всю Северскую, в которой готы и давны» (даки)[31] (Изборник Святослава 1073 г.). Эта информация Епифания очень редкая и содержательная.

Во-первых, слово «русин» произносилось иногда с перестановкой звуков как «сурин». Об этом свидетельствует и Болгарская переделка Сказания о письменах. Если у черноризца Храбра сказано, что «Персом и Халдеом и Асиреом (было дано) звездочьтение», то в Болгарской переделке вместо «Асиреом» читаем: « Персомь и Халдеомь и Роусомь да(с) звездоучтение»[32].

Во-вторых, «восточную варварию русийскую» древние называют Скифией.

В-третьих, эта «варвария русийская» – Скифия дополнительно названа «страной Северской», что необязательно соответствует географическому понятию «северная», но может обозначать страну славянского племени северов-северян. Ср. Новгород Северский в Курской области по имени славян северов-северян. При этом Скифия, скорее всего, римская провинция «Малая Скифя» на Балканах в области нынешней Добруджи[33], где находился и древний город Томы, т. е. в местах вблизи устья Дуная. Заметим, что готы были ариане, а «готское» вероисповедание было вначале также у некоторых славян.

Показательна еще одна аналогия – римская надгробная надпись из Регенсбурга, расположенного на правом берегу Дуная в Баварии, троим погибшим воинам из племени винделиков, поставленная винделиком Сурином, их отцом. D. M. ET. MEMORIAE MISERRIMORVM. VINDELICIS: HARMOGENIANO ET VICTORI ET. SAVRE. FIL. VINDEL. SVRINVS INFELIX. PATER F. C.[34] – «Теням и памяти несчастных винде-

ликов: Гермогениана и Виктора и Савры, сыновей винделика Сурина, скорбящий отец» (пер. наш. – *Л. Г.*). Скорбящий отец Сурин – это житель Баварии венед Русин. Примечание И.Х. Дворецкого в «Латинско-русском словаре» к слову Vindelici «кельтское племя между Гельветией, Нориком, Альпами и Дунаем» преодолевается мнением двухсотлетней давности. Еще А. Шлецер в свое время согласился с Поповичем, «что все производные от wend, wind означают Западных Славян»[35].

По этой же причине особый интерес вызывает информация, добытая А.В. Назаренко в средневековых латиноязычных немецких источниках на данную тему: «...знаменитый писатель Валафрид Страбон (ум. в 849 г.) знает "со слов веродостойных братьев" о таком далеко не общеизвестном факте, как сохранение остатков богослужения на готском языке «у некоторых скифских народов" в местах близ устья Дуная ("...fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione (Gothica. – *А. Н.*) divina hactenus official celebrari")[36]. – "... надежные братья рассказали, что у народа наподобие скифов, преимущественно томитанских, точно такая же божественная беседа (Св. Писание), как у готов, рассадник их почитания (Бога) до сих пор"» (пер. наш. – *Л. Г.*).

Послушаем теперь, что сказал об этих местах старший современник Валафрида Страбона, византийский историк Феофан Исповедник: (Булгары) «увидели местность, хорошо укрепленную: сзади рекой Дунаем, спереди и с боков – ущельями и Понтийским морем. Покорив из живущих там племен славинов так называемые семь родов, северов булгары расселили от начала ущелья Берегава до восточных областей, а на юге и на западе до Аварии – остальные семь родов...»[37]

Как видим, на основании сообщения Феофана, «страной Северской» можно назвать места расселения славянского племени северов-северян недалеко от устья Дуная – «народа наподобие скифов», у которого «рассадник почитания (Бога) как у готов», по сведениям «надежных братьев», сообщивших это Валафриду Страбону. Напрашивается вывод, что у «народа наподобие скифов», наследника готского «почитания», были книги Святого Писания на своем языке. И еще в пользу «русской гипотезы» – это факты, свидетельствующие о том, что в языке славян Подунавья существовало слово «русин» («сурин»), и оно применялось как для названия страны, так и для личного имени.

Тщательное внимание к мелочам в рассуждениях О. Н. Трубачева об имени Русь сделало ясным «несколько темное имя»

народа ***Тоурси***, который Константин Философ в своей речи на диспуте с треязычниками в Венеции 867 г. назвал среди «многих родов», «книгы оумеюща и богу славу въздающа своим языком кождо», между обрами (аварами) и козарами – это ***tur-rus**- или греческие «тавры-росы», племя, жившее к северу от дунайского устья. Тем самым Трубачев оттеснил «готскую гипотезу» «русских» письмен Жития Константина. Возражая, сказал: «Но ведь готов Константин знал отдельно и специально назвал как добрых христиан в перечне народов во время своего венецианского диспута!» И еще: «Связь этнонима ***tur-rus-** и “русских” письмен была, возможно, понятна Константину Философу тогда в Корсуне (Херсонесе), и он мог иметь в виду именно ее в Венеции через несколько лет»[38].

«Ядро традиции» (Х. Вольфрам) киевских русов – это представление об общности происхождения балтийских, новгородских, азовских, дунайских и киевских русов.

Это – известное предание «о призвании»: «идоша за море к варягом к руси».

Это – тесная связь киевских князей с «островом руссов». Так, например, Лев Диакон, сообщая о неудачном морском походе на Византию русского князя Игоря, говорит, что после разгрома его флота греками, он бежал к Боспору Киммерийскому, который он называет родиной руссов. А к сыну Игоря, Святославу, завоевателю Болгарии, византийский император Иоанн Цимисхий обратился с требованием «удалиться в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Миссию» (Болгарию) (Лев Диакон, 6, 8, 10).

Это – внешняя политика князя Святослава на Дунае, где жили русы, там же на Дунае город Русе. «Одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци (современное село Преслав около города Тулча в Румынии на южном берегу Дунная вблизи его рукавов при впадении в Черное море), емля дань на грьцех»[39].

Это – сведения автора Слова о полку Игореве об общности происхождения киевских, азовских и дунайских русов. Так, после поражения войска Игоря на третий день битвы с половцами, когда «тьма свет покрыла» и в русских княжествах, на родине павших воинов, «жены Руския въсплакашась», тут же, почти в один голос с ними, вступают «готские девы» на «острове руссов» и поют о «темном времени»: «И вот готские красные девы запели (во время ритуального танца) на берегу Синего моря (Азовского моря). Звеня русским золотом, поют о време-

ни темном, манят месть Шарукану» (привлекают, зовут месть, которая обрушилась на половцев Боняка и Шорукана в 1107 г. объединенными силами семи русских князей). В ответ на этот сакрально-магический призыв и на готовность бояр отомстить половцам за поражение Игоря, Святослав Киевский в своем Золотом слове стал призывать князей ударить на половцев объединенными силами. А что касается родства киевских руссов с дунайскими руссами, об этом можно узнать из сюжета о возвращении Игоря из плена: «Солнце светится на небесах, Игорь князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае. Вьются голоса через море до Киева».

Нельзя при этом не обратить внимание на то, что может способствовать познанию предмета, «готских красных дев», они названы с благородным оттенком – девы, дунайские названы ласково – девицы, а вот половецкие названы в сниженной экспрессивно-стилистической окраске – девки, которых помчали воины Игоря. «Готские» и дунайские, конечно, свои, а вот эти – чужие.

Это разумное понятие о ядре традиции в «Слове о полку Игореве», синонимом которого является идея о единстве Азовской Руси, Киевской, Нижнедунайской и Варяжской Руси, призванной новгородцами, ощущается как внутренний пульс уже в сообщении Патриаршей или Никоновской летописи о совете словен, кривичей, мери и чюди с целью призвания князя: «...поищем и уставем таковогo или от нас, или от Козар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Варяг» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 9, 10. С. 9). – При этом под «Козарами» подразумеваются не сами хазары, но Азовская Русь на территории Хазарии.

Звоня рускым златом, поют... – «Русское золото» совсем не обязательно то золото, которое половцы награбили во время набега на Русь после поражения Игоря, и даже совсем не то золото, потому что половцы еще не успели получить выкуп за плененных русских и поделить вырученное. А было ли у них вообще время обменять на золото какие-то товары у «готов»? Слишком уж быстро «готские девы» стали кудеситься в это золото и звенеть им во время пения и танца. Скажут, что это золото оказалось у «готов» после ранее совершенных половецких грабежей в русских землях. А что – эти «готы» сидели на своем острове и только ждали результатов половецких грабежей? Они и сами были хороши. Среди награбленного в морских набегах и в результате выкупа у них пленных они имели и «свое» золото, «русское». О том, что русы прода-

вали награбленное соседним народам, имеются известия восточных авторов.

А если эти так называемые готы хорошо умели делать свои «русские» ювелирные украшения, вот вам и «русское золото», которым звенят во время ритуального танца, сопровождаемого пением, «готские девы», притом, помимо военной добычи через посредников половцев.

Эти «готские девы», звеня золотом, поют на берегу Синего моря. Но золотые украшения могут звенеть только во время танца – девы поют и танцуют. Поэтому берег моря, золотые украшения, пение и танец – это обстановка ритуального танца, «одной из наиболее древних форм молитвы, осуществляемой путем имитации “божественных” действий. В процессе танца участники подражали движению солнца, звезд. Относительно значений “танцевать” и “молиться” ср. греч. *pedao* “прыгать, танцевать”, но валл. *pedi* «молиться», гот. *plinsjan*, русск. *плясать*, но и.-е.**prek-* “просить, молить”»[40].

Во многих русских заговорах действие происходит на берегу моря, иногда присутствует золото. «Пойду стану благославясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье... три врана... несут трои золоты ключи, трои золоты замки»; «пойду... путем дорогой к синему окиану-морю». Далее идет просьба к «великим помощникам»[41]. А что если и наши девы обращались с определенной просьбой к неким «великим пощникам»?

Поют время Бусово. – Самая невероятная теория о «времени Бусове» та, по которой, начиная с 30-х гг. XX в. под «бусове» в отечественной науке стали понимать Божа, одного из князей славян-антов, побежденного в 375 г. готским королем Винитаром, который был распят на кресте вместе с сыновьями и 70 знатными антами. Все перепуталось здесь, и теперь уже никого не спросишь, почему время события 800-летней давности из истории готов и славян-антов исполнительницами песен, будь это «готские девы» или «половецкие девки», если у них такая длинная память на поражение русских, и это доставляло им удовольствие, названо это время по имени побежденного Божа, а не по имени победителя «винидов» Винитара? А если поют все-таки половчанки, тогда, спрашивается, какое им дело до истории готов, которая каким-то образом еще увязывается с «местью Шароканю»? Пытаясь найти выход, обычно читают «месть Шароканю» не как д. пад., ед. ч. «Шарукану», а как притяжательное «Шаруканову». Этой местью за половецкого

хана Шарукана, деда Кончака, считают разгром ордами Кончака и Гзы полков Игоря. И делается ссылка на поход в 1107 г. объединенных сил семи русских князей на половцев, когда те под предводительством ханов Боняка и Шарукана были разгромлены русскими войсками. Боняк был взят в плен и казнен в Киеве. А вот судьба Шарукана русским источникам неизвестна, в Летописи о нем сказано два слова: «...а Шарукан едъва утече». Не обращают внимания и на слова самого Кончака в Ипатьевской летописи, когда он после беды-победы над Игорем звал хана Гзу на Киев и сказал: «Поидем на Киевьскую сторону, где суть избита братья наша и великый князь нашь Боняк». О Шарукане не было сказано ни слова. Тогда при чем тут месть за Шарукана?!

Ошибкой в расчетах оказалось и предложенное мной в книге «Русские древности “Слова о полку Игореве”», изданной в 2004 г., имя византийского перебежчика к аварам Буса (VI в.), который научил их делать стенобитные орудия. Это умение перешло потом к другим степнякам, Кончак, например, пользовался как раз такими разборными орудиями.

Помните, как сказано о третьем дне битвы, когда Игорь потерпел поражение? «Темно бо бе в третий день... На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо...» – Но ведь *бусый* – это не только серый, но и темно-голубо-серый, а *бусеть* – темнеть, чернеть. Вот и поют во время танца-молитвы «готские красные девы» на берегу моря о времени темном, мрачном и «лелеют месть Шарукану».

Лелеют месть Шароканю. – Шароканю – д. пад., ед. ч. «месть Шарокану» а не притяжательное «месть Шароканову». Ср. в Повести временных лет о походе в 1111 г. Владимира Мономаха вместе с другими русскими князьями на половцев: «...и поидоша к граду Шаруканю».

Слово «лелеять», помимо этого предложения, встречается в тексте еще четыре раза: ветер веет, «лелеючи корабли на синем море» (гонит их к пристани, конечно); Днепр «лелеял на себе Святославли носады до плъку Кобякова» (нес их на себе); Днепр, «възлелеи (примани, принеси), господине, мою ладу (Игоря) къ мне» (Ярославна); «О Донче... лелеявшу (влекшего, несшего) князя на влънах». – В четырех этих случаях слово «лелеять» обозначает постепенное привлечение, продвижение к цели морских или речных судов с помощью ветра, моря или рек. Поэтому в пятом случае – а по порядку в первом, «леле-

ют месть Шароканю» – слово «лелеять» едва ли может обозначать «хвалу» (хвалят месть Шаруканову, мол), т. к. у этого слова есть значение, по смыслу близкое к этому пятому случаю: «Вода лелея(ет), да в рот не лезе» (*курское, воронежское*), говорят о воде. – Манит, льстит»[42].

Теперь уже с большей определенностью можно сказать, что готские красные девы, звеня своим русским золотом, исполняют ритуальный танец-молитву на берегу моря, поют о времени темном и, обращаясь к неким «великим помощникам», манят, призывают на головы половцев «месть Шарукану» 1107 г., когда русские князья отомстили половцам Шарукана и Кобяка за разорение русских земель, воюя на них объединенными силами.

Примечательно, что Святослав Киевский, выслушав бояр о событиях битвы Игоря с половцами и «готских девах», в своем Золотом слове призвал князей к войне на половцев объединенными силами. А то, что бояре из окружения Святослава, выражая свою готовность отомстить половцам за Игоря, сказали после слов о поющих «готских девах», что «а мы уже дружина жадни веселея», так понимать это следует именно как готовность их к войне с половцами, и не вставлять слово «только», те будто бы веселятся, а они якобы только жаждут веселья. Причем подразумевалось, видимо, не одно, а два веселья: весело сойтись с половцами и повеселиться после победы. Так, как это сказано в Повести временных лет о походе на половцев в 1103 г. Владимира Мономаха и Святополка: «Наши же с веселием на коних и пеши потекоше к ним (наступали на половцев). Половьци же, видевъше устрьмление Русьское на ся, не доступивъше, побегоша пред Русьскыми пълкы». А после победы сказал Владимир: «...Възрадуимъся и възвеселимъся... яко Господь избавил ны есть от враг наших».

О Днепре Словутицю! ...възлелей господине мою ладу къ мне

Днепре Словутицю. – Для имени «отца» Днепра ***Словуты*** исходной формой была, по-видимому, ***Словун***, как в имени князя славянского племени северов – **Славун**. Эти северы-северяне жили в местах недалеко от устья Дуная, о них упоминает Феофан Исповедник в своей «Хронографии», описывая события 764/765 гг.[43]

Но как вариант этой формы могла быть форма ***Словин*** – ***Славин***, тогда отсюда название *словене – славяне*. С этой точки зрения вызывает особый интерес, в своей наиболее достоверной части, «Ономастикон Мифологиский. Краинския име-

на Божеств, упоминаемых в Поэзии», составленный монахом Маркусом Антонием Падиано, изданный в 1783 г. в Любляне[44]. Читаем: «**Bogina, Slavina: Juno**, – Slavina отождествляется с римской Юноной, супругой Юпитера. Юнона – богиня брака, материнства, женщин и женской производительной силы. Считалось, что каждая женщина имеет свою Юнону, как и каждый мужчина своего Гения[45]. Значение божества-гения ***Словуты – Словуна*** допустимо, полагаем, восстанавливать из аспектов авест. Мантра Спэнта "Святое воздействующее Слово", а значение ***Славун – Славин*** из иранск. Фарн, авест. Хварно.

Мантра Спэнта (Святое Слово). – Иногда персонифицируется как абстрактное божество-гений, ему посвящен 29-й день каждого месяца»[46]: «Хаоме слава и Слову / И праведному Заратуштре» («Яшт», 17, 5); «Молюсь Святой Молитве (*Слову*) чрезвычайно славной» («Видевдат», 19, 16); «Я, Ахура... Слово-Мантру сотворил» («Ясна», 29, 7); «Оно (Слово) наипобедное / И самое целебное» («Яшт», 1, 1, 4).

Фарн, авест. Хварно (Слава). – Божественный персонаж, его сущность: харизма, сакральная сила, связанная с Огнем и олицетворяющая высшее неземное начало. В зависимости от контекста включает понятия «счастье», «удача», «богатство», «добрая судьба», «**слава**», «торжество над врагами». От иранских производных от Фарн-Хварно слав. ****slava***. Свою Славу-Хварно имеют каждая семья, каждый дом, каждое племя и каждая страна[47].

И, наконец, исчерпывающее: «Слово и Слава! Почему эти два выражения так близки в двух древних наречиях, таких различных, как славянский и халдейский? Это указывает на основное свойство человеческого духа в его общем для всех принципе, вместе и научном, и религиозном: Глагол, слово космологическое и его равнозначащие.

Иисус Христос в своей последней таинственной молитве бросает, как всегда, луч яркого света на историческую тайну, которая нас занимает: «И ныне прославь Меня, ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Инн 17:5).

Воплощенное Слово делает тут намек на Свое непосредственное творение, творение, изображенное под именем мира божественного и вечного – Мира Славы...»[48].

Итак, в этом смысле следует отвергнуть нелепость, что название славян связано со славной судьбой, славой этого племени, или, что не лучше, это название связано с тем, что словене-

славяне, будучи «словесные», понимали друг друга, а вот немцев не понимали и называли их «немыми» – немцами.

Тогда вопрос: почему славяне называли восточногерманский народ готов – готами? Мало того, русские источники называют готов отдельно от немцев. Повесть временных лет: «Афетово бо и то колено Варязи: Свеи, Урмане, Гъти, Русь... Немьци...»

Новгородская первая летопись под 1188 г.: «В то же лето рубоша новгородьце Варязи на Гътех (на острове Готланд), Немьце в Хоружьку и в Новотържьце» (конфликт между новгородцами, готами и немцами с применением холодного оружия, и, кстати, здесь определенно сказано, что готы – это варяги, немцы – нет).

Исследуя смысл вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что название словене – славяне было связано с божеством-гением, Святым воздействующим Словом, «Словом славным», а также с сакральной силой божественного персонажа *slava.

Славяне в названиях германских племен, которые они назвали «немцами», должно быть, не услышали присутствия божества-гения, сходного по значению с их «Словом славным», не услышали они в чужих названиях и понятия о божественном персонаже, которого сами они называли «Слава» (ср. личные славянские имена, имеющие сакральный оттенок, во второй части которых находится –slav).

Тогда следует принять, что язык соседей-германцев они все-таки понимали, иначе не было бы заимствований в славянский. Но они оказались для славян чужими – «немцами», чего не произошло с готами. В самоназвании готов присутствует божественный персонаж, высшее неземное начало – gutthiuda, что можно передать как «божий народ». Для сравнения: нем. Gott, англ. God «бог». Или, на худой конец, «хорошие, добрые люди» – ср. нем. gut, англ.good.

Правда, тут же приходит на память эпизод из русской былины-скоморошины «Про дурня», который не знал когда что говорить:

Заглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза – что чаши,
Усы – что вилы,
Руки – что грабли,

В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Добрым людям!»

«Добрые дела» готов известны. Недаром некоторые из современных любителей древностей, считающих, видимо, себя, в соответствии с подлой, в старинном смысле простонародной, а на самом деле стилизованной, литературной традицией, «добрыми славянами», а остальных «звероломно» нападающими без объявления войны, именуют готов «фашистами».

Говорить и творить – искони были синонимами во всех первоначальных языках, но остались, как синонимы, только в славянском: Слово и Слава, отметил, как было сказано, Сент-Ив Д'Альвейдр.

Думается, что не случайно св. Константин-Кирилл, создав азбуку, принялся переводить для словен сначала Евангелие от Иоанна: «И тогда сложи писмена и нача беседоу писати еваггельскоую: искони бе слово и слово бе оу бога, и бог бе слово, и прочая»[49]. Словенам с их «первоначальным языком» это было доступно и понятно.

Лада. – Три раза в ритуальной песне-плаче Ярославны, манящей, привлекающей Игоря из плена и призывающей Днепр «возлелеять» (доставить) ее супруга-воина (ладу) к ней – звучит слово *лада*.

Первый раз при обращении к ветру: зачем он несет стрелы врагов на своих легких крыльях на ее лады воинов? Второй раз при обращении к Днепру: «...возлелей господине мою ладу къ мне». Третий раз при обращении к солнцу: зачем оно «простре горячюю свою лучю на ладе вои?» Еще один раз это слово встречается в плаче русских жен по своим погибшим и плененным воинам-мужьям: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати». Примечательно, что это определение супругов, связанное со словом *лад* «мир, порядок», со словами *ладити*, *лажу* «мирить», появляется в плаче женщин на фоне военных событий.

Лада (м., ж.) «супруг, супруга». О. Н. Трубачев объясняет из *al-dh-os от *al- «расти» (Фасмер. II, 1996. С. 447). Это объяснение дает возможность вновь обратиться к «Ономастикону Мифологическому» монаха Маркуса Антонио Падиано.

Ladon, Tor, Tork: ***Mars.***[50]

Тор, в герм.-сканд. мифологии бог грома, бури и плодородия. В своих действиях имел воинский аспект.

Торк, митанийско-хеттского происхождения, бог плодородия и растительности.

Марс, вначале бог – покровитель полей и стад, ему был посвящен весенний месяц март. Его считают хтоническим божеством плодородия и растительности, и богом войны. Марс наделялся разными победными эпитетами, и в их числе «хранитель», «умиротворитель»[51]. В древнеримских посвятительных надписях от имени славян-венедов, живших на территории Империи, Лад, Лада, Ладон сохранился в форме Latob от слав. Ладов.

LATOBIO SAC. PRO SALVTE NAM. SABINIANI ET. IVLIAE. BABILLAE. VINDONIA MATER. V. S. L. I. M. «Латобию посвящение. Как поклонение поистине. Сабиниана и Юлия Бабиллы. Виндония мать соорудила по обету»[52] (пер. наш. – *Л. Г.*). Возможно, что Виндоний вернулся невредимый после боевых действий, в которых он участвовал, и мать соорудила посвящение своему племенному Марсу Латобию Хранителю. Известен Марс Латобий как племенной бог латобиков в Норике[53]. Нориков упоминает Нестор в Повести временных лет: «Нарци еже суть словене». О. Н. Трубачев считает, «что Нестор отразил традицию того времени, когда этот первоначально кельтский этноним действительно был перенесен на славян»[54].

Если принять в расчет эти рассуждения, то в переводах памятника следует в слове «лада» оттенять и воинский аспект: «воин-супруг», «воин и муж». «О Днепр Словутич! ...возлелей, господин, моего воина и мужа ко мне». – Тем более что произносится это слово на фоне военных событий. В припевах типа «Ой ладо, ладо!» воинский аспект утрачен, что дало оправданный повод судить о лжебожестве *Лада*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ржига В. Ф.* Гармония речи «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 5.

[2] *Карсаков А. Н.* Готские девы в «слове о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 99 и след.

[3] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 1998. Т. 1. С. 145.

[4] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 1996. Т. 1. С. 252.

[5] *Трубачев О.Н.* К истокам Руси. М., 1993. С. 11.

[6] *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература, 1978. С. 231.

[7] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 1996. Т. 2. С. 235.

[8] *Мюллер Л.* О принципах реконструкции и перевода Несторовой летописи // Средневековая Русь. М., 2004. С. 63.

[9] Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. С. 130

[10] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 285.

[11] *Иеромонах Серафим (Роуз).* Душа после смерти. М., 1992. С. 68, 70, 72.

[12] *Стеллецкий В.И.* Слово полку Игореве... // Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М.: Советская Россия, 1981. С. 258.

[13] *Буданова В.П.* Готы в эпоху великого переселения народов. М.: Наука, 1990. С. 72–82; *Карсаков А.Н.* Готские девы в «слове о полку Игореве»... С. 99–109.

[14] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Изд-во Московского ун-та, 1988. С. 165.

[15] *Плетнева С.А.* Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 251.

[16] *Плетнева С.А.* Половцы // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 30, 31.

[17] *Десятчиков Ю.М.* Ст. Голубицкая // Сборник 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. Ст. Тамань, 1998. С. 8, 9.

[18] *Трубачев О.Н.* К истокам Руси. М., 1993. С. 40, 43, 54, 57–59; 107.

[19] Памятники литературы Древней Руси. М.: Художественная литература, 1978. С. 24.

[20] *Трубачев О.Н.* К истокам Руси... С. 47.

[21] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Петроград: Издание Императорской Археологической Комиссии, 1916. С. 23, 24, № 2–2.

[22] Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. С. 436.

[23] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Петроград: Изд. Императорской Археологической Комиссии, 1916. С. 368, 369.

[24] Подробнее в моей статье «Рорик, Рюген и Новгродские руки» в готовящейся к изданию книге «Потомки Геракла» в издательстве «Алгоритм».

[25] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 45, 46; 82. 84.

[26] *Карсаков А.Н.* Готские девы в «Слове о полку Игоеве»... С. 101.

[27] *Десятчиков Ю.М.* Ст. Голубицкая // Сборник 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. Ст. Тамань, 1998. С. 9.

[28] *Карсаков А.Н.* Готские девы в «слове о полку Игореве»... С. 104, 105.

[29] *Венелин Ю.* Древние и нынешние словене. М., 2004. С. 183.

[30] Там же.

[31] *Буданова В.П.* Готы в эпоху великого переселения народов. М.: Наука, 1990.

[32] *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. Т. 1. С. 163, 165.

[33] *Буданова В.П.* Готы в эпоху великого переселения народов... С. 141, 142.

[34] *Венелин Ю.* Древние и нынешние словене... С. 102.

[35] Там же. С. 90, № 1.

[36] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 63.

[37] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М.: Наука. 1980. № 300. С. 62; 120, 121.

[38] *Трубачев О.Н.* К истокам Руси... С. 54, 57, 59.

[39] Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. М.: Художественная литература, 1978. В лето 6475.

[40] *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. С. 328.

[41] *Даль В.И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С. 36, 37.

[42] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. III. С. 247.

[43] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М.: Наука. 1980. С. 122, № 3001.

[44] *Венелин Ю.* Древние и нынешние словене... С. 145, 146.

[45] Мифы народов мира. М.: Советская Энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 679.

[46] Авеста в русских переводах. СПб., 1998. С. 449.

[47] Мифы народов мира... Т. 2. С. 557; Авеста в русских переводах. СПб., 1998. С. 449, 467.

[48] *Сент-Ив Д'Альвейдр.* Археометр. М.: Амрита-Русь, 2004. С. 143.

[49] *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности: Труды славянской комиссии. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1930. Т. 1. С. 27.

[50] *Венелин Ю.* Древние и нынешние словене... С. 146.

[51] Мифы народов мира... Т. 2. С. 119; 519, 521.

[52] *Венелин Ю.* Древние и нынешние словене... С. 135, 136.

[53] Мифы народов мира... Т. 2. С. 120.

[54] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М.: Наука, 2003. 107.